

Извѣщая читателя, что я провелъ дѣлство и многіе годы моей жизни въ Конспантинополѣ, и былъ въ этомъ городѣ въ разныя эпохи — я эшимъ не надѣюсь придать моей книгѣ болѣе цѣны, но единственно желаю показать причины, побудившія меня къ предпріятію сего труда.

Въ эсихъ Очеркахъ я соединилъ сохраненныя мною воспоминанія о Конспантинополѣ, дополнилъ ихъ свѣжими разсказами, собранными мною на мѣстѣ, о недавнихъ любопытныхъ предисшествіяхъ этой столицы, на которую уже нѣсколько лѣтъ устремлены взоры всего просвѣщеннаго міра, и

VI

поспѣхался изложитъ въ нѣсколькихъ картинахъ дѣла Султана-Преобразовацеля и его удивительную судьбу, равно и состояніе его столицы въ послѣднюю эпоху моего пребыванія въ ней, эпоху особенно занимательную для всякаго Русскаго, любящаго славу и величіе своего отечества. Цѣлю моего труда было — представить нашей публикѣ занимательное чтеніе о предметѣ, столь близкомъ намъ и пакъ мало доселѣ извѣстномъ.

Безъ сомнѣнія нѣтъ города болѣе достойнаго вниманія нашихъ соотечественниковъ. Уже десять вѣковъ постоянно вперены взгляды Россіи на Босфорскую столицу; по заманиваетъ она нашихъ баснословныхъ рыцарей своимъ богатствомъ, по изливаетъ на обрадованный Сѣверъ свѣтъ Христіан-

УІІ

спва, по завѣщаетъ Московскому Князю послѣднюю опрасль Имперапорскаго дома и улещѣвшихъ опъ плѣнныхъ береговъ Босфора орловъ древняго Рима, по занимаеть великіе помыслы Екашерины II и общаетъ міру новыя судьбы, удивленной Европѣ новую эпоху рыцарспва; а въ наши дни испуганный городъ Сулпановъ съ высоты своихъ холмовъ и минаретовъ видишь дымъ Русскаго войска, и побѣдное отраженіе шпыковъ; попомъ наше войско и нашъ флотъ приносятъ Востоку даръ мира.

Константинополь, какъ средоточіе великихъ перемѣтъ и перерожденія обширной Имперіи, въ одинаковой степени обращаетъ на себя вниманіе поддника, мыслишеля и всякаго образованнаго чловѣка. Если записки путешественника возбуждять любопыт-

VIII

ство читающей публики — это я припишу эпохѣ, а не внутреннему достоинству моего труда. Говорятъ, что нашъ вѣкъ любитъ говорить важнымъ тономъ даже о пустякахъ, такъ какъ прошедшій вѣкъ говорилъ шутя о предметахъ важныхъ; но безъ поддѣльной скромности могу сказать, что я старался избѣгнуть всякихъ припязаній на ученость; если иногда читатель найдетъ свѣдѣнія о законахъ, объ обычаяхъ Турецкой саррины, я былъ въ необходимости помѣслить такіа подробности, которыя впрочемъ не легко достаются любопытству путешественника, что бы пояснить нынѣшнія перемѣны Турокъ. Свѣдѣнія мои о Воспохѣ весьма ограничены; меня успокоиваетъ увѣренность, что эта книга не должна сдѣлаться предметомъ кривки ориэн-

IX

падисовъ. Добросовѣстность моего труда заставила меня однакожь прибѣгнуть къ нѣкоторымъ ученымъ сочиненіямъ о Турціи, чѣобы повѣряя мои замѣчанія, мѣстные рассказы и преданія. Равнымъ образомъ воспользовался я трудами моихъ предшественниковъ, читалъ многопомня собранія путешествій различныхъ эпохъ, и въ нихъ, среди кучи непрочностей и ошибокъ, которыхъ безъ сомнѣнія и я часто не могъ избѣгнуть, отыскивалъ иногда нужныя мнѣ свѣдѣнія.

Считаю излишнимъ напомнить читателю, что ему представляется здѣсь не „книга“ и не „путешествіе“, а только „очерки Константинополя;“ въ нихъ нашли мѣсто многія народныя повѣрія, которыя при всей своей легкости, по моему мнѣнію, болѣе за-

Х

служивають иногда вниманіе наблюдателя, нежели ученые изслѣдованія. Въ двухъ романическихъ разсказахъ о приключеніяхъ Вероники и Ангелики, помѣщенныхъ во второй часпи, я ничего не выдумалъ. Если нѣкоторыя подробности, впрочемъ совершенно истинныя, придаютъ имъ видъ повѣстей, я сохранилъ эти подробности, имѣя единственною цѣлю, какъ и въ цѣломъ сочиненіи, представить характеръ мѣсшиностей, со всѣми тѣми опшѣнками, которые болѣе оспавили во мнѣ впечатлѣнія своею оригинальностію или своею новостію, и передать читателю тѣ карпины, которыя сохранились въ моемъ воображеніи. Доспигнулъ ли я моей цѣли—это вы узнаете по впечатлѣніямъ, которыя сохранише, пробѣжавши мои очерки. Не знаю: найдетъ ли чита-

ХІ

шель подробности о Янычарахъ занимательными. Но я зналъ Константинополь при нихъ, въ прежніе годы; а потомъ, среди свѣжихъ еще слѣдовъ ужаснѣйшаго изъ кровопролитій, даже въ дѣлописяхъ Стамбула, такъ часто облитыхъ кровію, я былъ сильно пораженъ картиною этого великаго событія, котораго вліяніе является во всемъ, котораго подробности покажутъ наблюдателю всю важность нынѣшнихъ переменъ въ Турціи. Что касается до способа изложенія,— я въ моемъ разсказѣ не слѣдовалъ ни какому порядку; можетъ быть иногда удачно, иногда случайно сошлись въ одну раму разнообразныя событія и картины, такъ какъ все это вмѣстѣ представляется вамъ, когда посѣщаете страну вамъ незнакомую, и еще болѣе плѣняетъ своимъ фантасти-

ХІІ

ческимъ сближеніемъ. За эпизоды и описуященія никто не вправе упрекать путешественника; все его странничество есть продолжительный эпизодъ его жизни; все встрѣчаемое имъ есть заблудившійся листокъ его собственнаго существованія.

Нынѣшняя эпоха Турціи самая любопытная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая запруднительная для путешественника. Судорожная борьба снарины и новизны происходить въ вашихъ глазахъ; смѣсь обычаевъ, повѣрій, нравовъ и предразсудковъ эпохъ, совершенно между собою противоположныхъ и усиленно сближенныхъ, какъ безконечная фантазмагорія проходить предъ вами. Живописный образъ этой эпохи найдете только въ теченіи Босфора, который при всякой переменѣ въпра, при всякомъ

ХІІІ

уклонѣ берега, представляющъ тысячу капризныхъ измѣненій, котораго волны, выбѣжавъ изъ одного моря, чтобы влился въ другое, встрѣчаются на пупи съ волнами идущими обратно, борюся съ ними, и продолжаютъ свою вѣчно-измѣняющуюся игру подъ спѣнами Константинополя. Вчерашнее замѣчаніе сегодня уже не вѣрно; старинныя повѣрья по сохраняются съ набожнымъ уваженіемъ, по распадаются, какъ вѣшная одѣжда. Таково первое вторженіе моды въ народъ, который доселѣ такъ ея чуждался.

Съ воспоминаніями дѣтъ проведенныхъ мною въ Константинополѣ, и съ картинами замѣчательнѣйшихъ эпохъ нынѣшняго царствованія, соединилъ я въ моихъ „очеркахъ“ и нѣсколько картинъ другаго рода и воспоминанія другихъ вѣковъ. Мое пре-

XIV

бываніе въ спранъ гробовъ и развалинь научило меня любить слѣды прошедшаго, и наспоящее представляется живѣе въ моемъ воображеніи, когда оно оппѣнено перспективою спарины. Въ эпоху опкрыпій новыхъ земель люди соскучившіеся въ нашемъ спаромъ мѣръ спѣшили къ нимъ, прельщаемые ихъ дѣвспвенностію. Они хопѣли проложипъ первую пропинку въ лѣсахъ, копорые дополь величеспвенно росли въ дикомъ уединеніи, и гнулись подъ вѣспромъ а не подъ шопоромъ; морякъ съ гордоспїю измѣрять глубину береговъ, у копорыхъ его якорь первый вцѣпился въ морское дно, еще не оцарапанное желѣзомъ, и многіе Колумбы цѣловали новоопкрышую землю со всѣмъ пламенемъ перваго поцѣлудя любви. Но я не сочувспвую этой поэзїи. Такъ какъ душа земли еспъ че-